

ПРОБЛЕМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ

PROBLEMS OF MUSICOLOGY

DOI 10.24411/2076-4766-2018-10001

Е. Э. ЛОБЗАКОВА

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

МУЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Терминология музыковедения постоянно эволюционирует, что отражает, с одной стороны, сложный процесс становления и развития самого музыкального искусства, с другой, процесс качественного изменения научной мысли о нём. Однако внимания и интереса к целому ряду вопросов использования арсенала музыковедческих терминов, а также специфических способов их образования, сегодня явно недостаточно. И в этом плане музыковедение, в отличие от большинства гуманитарных наук, на сегодняшний день уже сформировавшая терминоведение как свою методологическую отрасль, находится в арьергарде. Музыковеды постоянно обращаются к интерпретации используемых в своих работах терминов. Однако достаточно сложно среди современных исследований обнаружить системные разработки в этой сфере, направленные как на теоретическое осмысление свойств терминологии музыковедения, так и на решение задач прикладного характера, в частности, – упорядочение и систематизацию многочисленных понятийных конструктов.

О своевременности формирования отраслевого терминоведения свидетельствует и накопившийся научный базис. Среди трудов прошлых лет – опыт системного анализа проблемы в статье Е. В. Назайкинского [9] и работа Т. В. Чердниченко [15], посвящённая исследованию терминологической системы Б. Асафьева, более поздние исследования В. В. Медушевского [7], О. И. Кулапиной [5], диссертация по музыкально-исполнительской терминологии О. Н. Надольской [8] и книга Н. П. Корыхаловой [4], труды, посвящённые исследованию отдельных предметных областей – терминологии национальных музыкальных культур, русских церковных песнопений и фольклористики. Практически все работы, посвящённые методологии музыковедения – Н. С. Гуляницкой [3], Т. И. Нау-

менко [10], В. Н. Холоповой [14] и других – также содержат обсуждение проблем функционирования профессиональной лексики музыковеда.

Одна из них – постоянное разрастание современного терминологического аппарата науки о музыке, которое далеко не всегда связано с появлением очередных объектов или областей музыковедческого познания. Новые понятийные конструкты и категориальные смыслы внедряются в практику исследований зачастую в результате чрезвычайной активности междисциплинарных контактов и привлечения в музыковедение всё новых и новых методологических парадигм – семиотических, феноменологических, герменевтических, рецептивных, социологических и других. Как показывает значительный опыт таких взаимодействий (среди которых лидируют «союзы» музыковедения и филологии, музыковедения и философии, музыковедения и социологии), возникновение новых оригинальных подходов в исследовании объектов музыкальной культуры не приводит к вытеснению традиционных методов. Напротив, этот процесс способствует умножению многомерности науки о музыке и её органичному включению в сложную и мобильную структуру современного гуманитарного знания.

Неотвратимость и необратимость этой тенденции заставляет задуматься о характере её воздействия на достаточно автономный, сложный и специфичный понятийно-терминологический аппарат музыковедения. Позитивная, с точки зрения многих исследователей-терминоведов, перспектива формирования единого метаязыка гуманитарных наук, очищенного от многозначности и представляющего свод лексических универсалий, пока представляется очень туманной. Более реальными оказались издержки и негативные проявления того терминологического бума, который во многом был спровоцирован

междисциплинарными контактами. Наблюдая за ситуацией чрезмерного «терминотворчества», возникающего в пылу методологических исканий, французский исследователь Ж. Мунэн писал, что история многих наук «представляет собой огромное кладбище терминологических экипажей... на которых почти никто не ездил. На это кладбище мало заходят, хотя посещение его было бы весьма поучительным» (Цит. по: [12, с. 73]).

Все современные профессиональные терминосистемы используют привлечённые термины вследствие интеграции современных наук и реализации их межпредметных связей. Это явление, именуемое лингвистами «транстерминологизацией» или «вторичной терминологизацией», для музыковедения не ново. В этом легко убедиться, если проследить происхождение ряда традиционных и привычных терминов науки о музыке. Органично влился в музыковедение целый ряд лексических единиц, заимствованных не только из смежных искусств (литературы, театра, кино, живописи, архитектуры) и искусствоведческих наук (прежде всего, литературоведения), но и языковедения, психологии, истории и других областей гуманитарного знания.

Эти терминологические нововведения прошли специализацию и давно употребляются не в общенаучном или метафорическом, а в узкоспециальном значении, в приложении к конкретным объектам музыкальной деятельности. Таким образом, по мнению М. Н. Володиной, происходит «...перекодировка термина, связанная с переосмыслением имеющейся терминологической информации, ориентирующейся на иную понятийную систему. Когда в результате семантического сдвига возникает новое терминологическое значение, происходит изменение информационной емкости термина или расширение его номинационного поля, что влечёт за собой явление терминологической многозначности, которое чаще всего определяется как полифункциональность термина» [2, с. 76]. Очевидно, что в процессе перенесения термина в музыкальную терминосистему заимствуются не все семантические компоненты мигрирующего термина, а только те, которые необходимы для целей названия нового предмета или понятия из области музыки.

Среди учёных-терминоведов, являющихся противниками идеи существования междисциплинарной научной лексики, распространена противоположная точка зрения: «Термины... проходят специализацию [в другом подязыке], меняя своё место в системе, связи с другими понятиями, дефиниции. Таким образом, они превращаются не в межотраслевые термины, обслуживающие несколько областей, а в омонимы исходных терминов, созданных первоначально

в других областях знания. В результате подобных интерференций могут возникнуть ложные термины, или квазитермины, если заимствование термина в новую область не сопровождалось введением для него чёткой дефиниции» [13, с. 108–109].

Для обоснования нового термина музыковед тратит достаточно много усилий. Однако впоследствии, когда термин «уходит в народ», процесс его использования становится мало контролируемым и ему не удаётся, выражаясь словами В. В. Медушевского, «преодолеть инерцию неудачного словоупотребления». Зачастую термин не приобретает соответствующих новых свойств вследствие того, что по отношению к терминологии музыковедения остается чужеродным вкраплением. Не находя места в новой системе, он не становится ни узкоспециальным, ни междисциплинарным, а «зависает» где-то между этими группами.

Непомерное акцентирование и бесконечное повторение тех или иных «терминов-фаворитов» – ещё одна общая проблема большинства современных гуманитарных текстов. Такие научные понятия как «парадигма», «дискурс», «тезаурус» или «концепт», претендуя на статус общенаучных, фатальным образом обрели неограниченно широкий диапазон значений и утратили смысловую отчётливость. Об этом в своей статье убедительно высказался Ю. М. Лотман: «Понятие “текст” употребляется неоднозначно. Можно было бы составить набор порой весьма различающихся значений, которые вкладываются различными авторами в это слово. Характерно, однако, другое: в настоящее время это, бесспорно, один из самых употребляемых терминов в науках гуманитарного цикла. Развитие науки в разные моменты выбрасывает на поверхность такие слова; лавинообразный рост их частотности в научных текстах сопровождается утратой необходимой однозначности» [6, с. 58]. С момента, когда это было сказано, прошло несколько десятилетий. В наше время опасность оперирования словом «текст», на которую указал Лотман, стала во много крат больше. Не будет, по-видимому, преувеличением сказать: слово «текст» уже не выдерживает тех нагрузок, которые на него возложены учёными и их сообществами.

Ещё один показательный пример – «фаворит» музыковедческих штудий последних полутора десятилетий структуралистский термин «интертекстуальность». Отметим, что «интертекстуальность» как понятийный конструкт, описывающий любой факт взаимодействия разных текстов культуры внутри одного, сам по себе уже предполагает элемент междисциплинарности. Несмотря на частоту употребления, он сохраняет границы своего семантического поля

и не только не специфицируется в музыковедении, а, напротив, вынуждает традиционную музыковедческую лексику встраиваться в сложный и до конца не сформированный аппарат теории интертекста. Проблема его терминологической вариативности в музыкальной науке сказывается и в разном семантическом «наполнении» самих интертекстуальных знаков (цитата, реминисценция, аллюзия); нет единообразия в наименованиях как инотекстовых включений (претекст, предтекст, прототекст, первичный текст, текст-донор), так и итогового текста (посттекст, метатекст, интекст, текст-реципиент).

Размышляя о причинах чрезвычайной продуктивности этого термина и востребованности в разных областях гуманитарного знания, невольно приходишь к мысли о том, что его автор Ю. Кристева создала удачную терминологическую словоформу как нейтральную универсальную оболочку, способную вместить множество потенциальных содержаний. Этим обусловлено его частое использование с очень незначительными изменениями семантики в разных научных практиках и распространение на достаточно разнородные явления и объекты. Поэтому термин «интертекстуальность» предоставляет исследователям эпохи постмодерна широкие возможности для её наполнения. Вторжение теории интертекста в музыковедение отчётливо обозначило еще одну болевую точку нынешнего состояния музыковедения: в наши дни весьма распространены ситуации, когда автор исследования больше озабочен не анализом художественного объекта, а содержательным насыщением какой-то новой теории или термина, а затем их приложением к нему.

Следующая проблема, связанная с заимствованием инонаучной лексики – дублирование терминов, уже имеющих эквиваленты в музыковедении. Широко распространены «семантические дубли», которые затрудняют восприятие текстов, а то и нивелируют их смысловую определенность. В отличие от наук точных, где терминологическая синонимия крайне нежелательна, в сфере собственно гуманитарного знания «семантические дубли» неустранимы, а порой даже желательны, так как разнообразят речь, освобождают ее от монотонности, позволяют уяснить смысловые оттенки рассматриваемого предмета. Однако, неконтролируемость этого процесса зачастую приводит к тому, что в рамках одного исследования употребляются термины, принадлежащие разным научным практикам. Например, на достаточно привычный в музыковедении гегелевский вариант диады «форма» / «содержание» или «план содержания» / «план выражения» часто наслаивается семиотическое «означающее» / «означающее» или «идея» / «структура». В рам-

ках одного научного текста, в соседних предложениях используются термины отечественных музыковедов, возникшие на границе соприкосновения музыковедения и языковедения: «музыкальная лексема» (В. Н. Холопова) / «семантическая фигура» (Л. Н. Шаймухаметова). Введение в научный обиход новых лексико-семантических единиц оправдано и насуточно лишь в тех случаях, когда оно в чём-то дополняет и обогащает наличествующую терминологию, а не является собой простое переименование того или иного явления. Обогащение понятийно-терминологического аппарата не должно подменяться «мельтешением» вновь вводимых слов, которые синонимичны уже существующим.

Ещё одним следствием процесса междисциплинарного сближения на уровне языка науки является происходящая терминологическая «глобализация», которая таит в себе опасность энтропийного эффекта, то есть рассеивания специфики научной лексики музыковедения в громадном поле гуманитарных наук. Кроме того, тотальное терминологизирование музыковедческих текстов, как и текстов других гуманитарных наук, грозит им деперсонализацией. Термин не должен быть целью, он является инструментом познания, а потому в различных случаях оказывается нужным в разной мере. Как для музыковедения, так и для других искусствоведческих наук, оптимальным является то, что можно назвать терминологическим минимализмом. Вспомним реплику Г. Г. Нейгауза: «Нельзя говорить об искусстве слишком уж нехудожественным языком» [11, с. 255].

Обсуждая проблемные моменты языка науки о музыке, мы вовсе не намерены отрицать необходимость и положительную значимость введения новых терминов – в них выявляется движение научной мысли. Сравнив тексты музыковедения с текстами целого ряда других гуманитарных наук (философии, лингвистики, культурологии) осознаёшь, что пока нет оснований говорить и о явлении тотальной кризисности. До музыковедения ещё в полной мере не докатилась «терминологическая эпидемия», которая бы спровоцировала потерю связи как с художественно-музыкальной практикой, так и с читающей публикой. По-прежнему «слово о музыке» характеризуется плодотворным дружественным сосуществованием научной терминологичности и свободы обиходной речи. Однако, «жизнь» лексических единиц в музыковедении и особенно процессы терминологизации вследствие миграции инонаучных терминов, не должны носить стихийный характер и требуют внимания со стороны научного сообщества.

1. *Арановский М.* Музыкальный текст. Структура и свойства. М.: Музыка, 1998. 344 с.
2. *Володина М.* Когнитивно-информационная природа термина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. 128 с.
3. *Гуляницкая Н.* Методы науки о музыке. М.: Музыка, 2009. 256 с.
4. *Корыхалова Н.* Музыкально-исполнительские термины: возникновение, развитие значений и их оттенки, использование в разных стилях. СПб.: Композитор, 2000. 272 с.
5. *Кулапина О.* Проблемные вопросы современной музыковедческой терминологии // Проблемы музыкальной науки. 2017. № 2. С. 6–13.
6. *Лотман Ю.* Текст в тексте // Статьи по семиотике и типологии культуры. СПб.: Академический проект, 2002. С. 58–79
7. *Медушевский В.* Миграция терминов и системность науки // Психология процессов художественного творчества. М.: Наука, 1980. С. 237–241.
8. *Надольская О.* Лексикология музыкального исполнительства: теоретические основания и системный анализ: дис. ... канд. иск. Саратов, 2006. 157 с.
9. *Назайкинский Е.* Термины, понятия, метафоры // Советская музыка. 1984. № 10. С. 70–81.
10. *Науменко Т.* Музыковедение: стиль научного произведения: автореф. дис. ... д-ра иск. М., 2005. 54 с.
11. *Нейгауз Г.* Об искусстве фортепианной игры. Записки педагога. М.: Госмузиздат, 1958. 319 с.
12. *Слюсарева Н.* Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 69–76.
13. *Суперанская А.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: УРСС, 2004. 248 с.
14. *Холопова В.* Феномен музыки. М.: Директ-Медиа, 2014. 378 с.
15. *Чередниченко Т.* Терминологическая система Б. В. Асафьева // Музыкальное искусство и наука. Вып. 3. М.: Музыка, 1978. С. 215–229.

REFERENCES

1. *Aranovskii M.* Muzykal'nyi tekst. Struktura i svoistva [Musical Text. Structure and Properties]. Moscow: Muzyka Press, 1998. 344 p.
2. *Volodina M.* Kognitivno-informatsionnaia priroda termina [Cognitive-Informational Nature of the Term]. Moscow: MSU Press, 2000. 128 p.
3. *Gulianitskaia N.* Metody nauki o muzyke [Methods of the Science of Music]. Moscow: Muzyka Press, 2009. 256 p.
4. *Korykhalova N.* Muzykal'no-ispolnitel'skie terminy: voz-niknovenie, razvitie znachenii i ikh ottenki, ispol'zovanie v raznykh stiliakh [Music-Performing Terms: The Emergence, Development of Meanings and Their Nuances, Use in Various Styles]. Saint-Petersburg: Kompozitor Press, 2000. 272 p.
5. *Kulapina O.* Problemnye voprosy sovremennoi muzykovedcheskoi terminologii [Topical Issues of Modern Musicological Terminology] // Problems of Music Scholarship. 2017. № 2. P. 6–13.
6. *Lotman Iu.* Tekst v tekste [Text in the Text] // Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on Semiotics and Typology of Culture]. Saint-Petersburg: Akademicheskii Proekt Press, 2002. P. 58–79.
7. *Medushevskii V.* Migratsiia terminov i sistemnost' nauki [Migration of Terms and the Systematic Nature of Science] // Psikhologiya protsessov khudozhestvennogo tvorchestva [Psychology of the Processes of Artistic Creation]. Moscow: Nauka Press, 1980. P. 237–241.
8. *Nadol'skaia O.* Leksikologiya muzykal'nogo ispolnitel'stva: teoreticheskie osnovaniia i sistemnyi analiz [Lexicology of Musical Performance: Theoretical Grounds and System Analysis]: PhD Thesis. Saratov, 2006. 157 p.
9. *Nazaikinskii E.* Terminy, poniatia, metafory [Terms, Concepts, Metaphors] // Sovetskaia muzyka [Soviet Music]. 1984. № 10. P. 70–81.
10. *Naumenko T.* Muzykovedenie: stil' nauchnogo proizvedeniia [Musicology: the Style of a Scientific Work]: Synopsis of the PhD Thesis. Moscow, 2005. 54 p.
11. *Neigauz G.* Ob iskusstve fortepiannoi igry. Zapiski pedagoga [About the Art of Piano Playing. A Teacher's Notes]. Moscow: Gosmuzizdat Press, 1958. 319 p.
12. *Sliusareva N.* Terminologiya lingvistiki i metaiazykovaia funktsiia iazyka [Terminology of Linguistics and Metalanguage Function of Language] // Voprosy iazykoznanii [Issues of Linguistics]. 1979. № 4. P. 69–76.
13. *Superanskaia A.* Obshchaia terminologiya: Voprosy teorii [General Terminology: Theory Issues]. Moscow: URSS Press, 2004. 248 p.
14. *Kholopova V.* Fenomen muzyki [Phenomenon of Music]. Moscow: Direkt-Media Press, 2014. 378 p.
15. *Cherednichenko T.* Terminologicheskaiia sistema B. V. Asaf'eva [B. V. Asafyev's Terminological System] // Muzykal'noe iskusstvo i nauka [Music Art and Science]. Ed. 3. Moscow: Muzyka Press, 1978. P. 215–229.

МУЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В статье рассматриваются некоторые проблемы терминологической «глобализации» в современном музыковедении, вызванные активным внедрением в научно-исследовательскую практику методологических подходов, сложившихся в других гуманитарных науках. Анализируются причины и результаты наблюдающегося в последние десятилетия терминологического «бума», во многом спровоцированного привлечением и адаптацией в научном лексиконе музыковеда единиц, заимствованных из других профессиональных языков.

Оценивая эффект, который оказывает этот процесс на целостность и системность постоянно развивающейся терминологии музыковедения, автор констатирует позитивные и негативные его проявления. Особенно подробно рассматриваются последние, проявляющиеся в механическом заимствовании терминов, не обусловленном на-

сущными потребностями музыковедческой науки. Это обстоятельство выдвигает на первый план задачу регламентации отношений между привлеченными и традиционными компонентами с целью оградить терминологию от бесконтрольного наплыва заимствований, препятствующих ее самобытному развитию.

В результате автор приходит к выводу, что проблема употребления заимствованных из других наук терминов, как и целый ряд других вопросов функционирования профессиональной лексики музыковеда, должны стать предметом серьезного обсуждения в рамках профессионального терминоведения – отдельной методологической отрасли, для формирования которой музыковедение уже давно созрело.

Ключевые слова: терминология, музыковедение, гуманитарные науки, междисциплинарность.

MUSICOLOGICAL TERMINOLOGY IN THE FIELD OF INTERACTION OF HUMANITARIAN SCIENCES

The article considers some problems of terminological 'globalization' in modern musicology caused by active introduction of methodological approaches developed in other humanities into scientific research practice. The author analyzes the causes and results of the terminological 'boom' observed in the last decades, largely provoked by the involvement and adaptation of musical units borrowed from other professional languages in the scientific lexicon.

Assessing the effect of this process on the integrity and consistency of the constantly evolving terminology of musicology, the author notes its positive and negative manifestations. Especially the author considers in detail the latter ones, which are manifested in the mechanical borrowing of terms that are not of the urgent needs in musicological science.

This fact brings to the fore the task to regulate the relations between the involved and the traditional components in order to protect the terminology from the uncontrolled influx of borrowings that hinder its original development.

As a result, the author comes to the conclusion that the problem of the use of terms borrowed from other sciences, as well as a number of other issues of the functioning of the musicologist's professional vocabulary, should be the subject of serious discussion in the framework of professional term studies as a separate methodological field. And musicology has already long matured for the formation of such research field.

Key words: terminology, musicology, humanities, interdisciplinarity.

Лобзакова Елена Эдуардовна

кандидат искусствоведения, доцент

Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова

Россия, 344002, Ростов-на-Дону

e-mail: lel-22@mail.ru

Lobzakova Yelena E.

PhD in Art Studies, Associate Professor
Rostov State S. Rachmaninov Conservatoire

Russia, 344002, Rostov-on-Don

e-mail: lel-22@mail.ru